17 тысяч символов…

– Выглядишь отдохнувшим, – сказал Марубоши Такуме, у которого больше не было мешков под глазами, вампирической бледности кожи и ссутуленных плеч, что преследовали его большую часть последнего месяца.

– Я спал двенадцать часов подряд. Как тут не быть более отдохнувшим, – сказал Такума. Вчера он выиграл свой первый в жизни спарринг, но опозорился перед классом, расплакавшись. Когда он пришел домой, ему понадобилось едва ли больше минуты, чтобы добраться от входной двери до своей кровати.

– Отлично, – Марубоши выглядел облегченным, а Такума чувствовал себя виноватым. У них было много разговоров о том, что Такума находится в плохом состоянии, но сам он отмахнулся от беспокойства Марубоши. – Как сегодня ты себя чувствуешь?

Последняя попытка выпускного экзамена состоится примерно через час.

Такума пожал плечами. – Не хочется сдавать его, лучше бы уделил больше времени на подготовку… но в то же время я просто хочу поставить на нем точку. А потом и отдохнуть для разнообразия, – вздохнул он.

Он вырос под привилегированным воспитанием. Гармоничная семья с любящими родителями, которые обеспечивали его, ничего роскошного, но никогда не позволяли ему чувствовать недостаток в чем-либо. Он посещал хорошие частные школы с относительно неплохими учителями и замечательной компанией друзей на каждом этапе своей жизни. Некоторых из них он считал своими друзьями на всю жизнь. Даже когда он поступил в колледж, он учился в первой половине дня, добираясь туда прямо из семейного дома, и ему никогда не приходилось приспосабливаться к жизни в общежитии. Также ему не пришлось участвовать в поиске работы, поскольку до неё оставалось ещё пару лет.

Именно сейчас он понял, что никогда не сталкивался с трудностями. Ни одно жизненное событие не заставило его искать независимость. Ему не нужно было беспокоиться о финансах, еде, ведении домашнего хозяйства и надвигающемся мрачном будущем - в своей второй жизни он столкнулся со всем одновременно. А дикий кризис идентичности стал ещё вишенкой на торте.

Он устал. Он не успел начать, как уже устал.

– Я буду стараться изо всех сил, – Такума небрежно улыбнулся. – Если пройду - круто. Нет - оставлю всё на волю судьбы, – он указал на небо. Он взял пример с одного зеленоволосого баскетбольного снайпера: – Человек предполагает, а Бог располагает… сделаю все, что в моих силах, а дальше пусть решит судьба.

Марубоши посмотрел на Такуму необычным взглядом.

– Чего?

Старый шиноби слегка покачал головой. Его лицо озарила легкая улыбка: – Из тебя выйдет великолепный шиноби, юный Такума.

– Ты так говоришь только потому, что научил меня всему, что я знаю, – сказал Такума, но при этом широко ухмыльнулся.

.

Такума сидел в классе, ставшем комнатой ожидания выпускного экзамена. Он закрыл глаза, пытаясь отгородиться от какофонии голосов своих одноклассников. В первый раз класс был покрыт тихими разговорами, все волновались за свою успеваемость. Во время второй попытки все немного открылись и участвовали в обсуждении друг с другом своих прогнозов и предполагаемых лучших тактик для успешного прохождения практической части тестирования.

Оба раза в комнате чувствовалось напряжение. В первый раз они шли в неизвестность, во второй раз они стремились улучшить свои первые результаты. Однако в этот... в комнате не существовало слова "напряжение". Будто никто не беспокоился о продолжающемся тестировании, и, хотя обсуждения крутились вокруг него, настроение было непринужденным.

Такума не мог их винить. В комнате все получили зачет, причем дважды. И настойчивые разговоры Кибе о том, что не стоит отрывать ногу от педали газа, в конце концов, пролетели мимо ушей. Все в комнате уже являлись шиноби, и пройти одно и то же дважды вселило в них уверенность.

Во всех, кроме него. Такума почувствовал, что его утренние слова прозвучали слишком рано. Предэкзаменационная нервозность навалилась на него так же сильно, как и в любой другой день. Он пытался медитировать (за что Марубоши был ярым сторонником), но у него не очень хорошо получалось, а сейчас и подавно.

Внезапно Такуме пришла в голову идея, и он достал монету ценностью в 1 Рё и шлепнул ею по руке. Ему было все равно, что он чувствует себя как никотиновый наркоман, пытающийся подпитать свою тягу никотиновым пластырем. Сосредоточившись на монете, он погрузился в контроль чакры, а не в свои ошибочные мысли.

Если бы пару месяцев назад кто-нибудь сказал ему, что он будет использовать практику концентрации на листьях для успокоения, Такума сначала бы рассмеялся, а потом отвесил бы сказавшему сильную пощечину за такую болезненную для него шутку, так как это звучало максимально мазохистски. Марубоши навсегда разрушил для него все положительные ассоциации с этим упражнением.

– Такума.

Он открыл глаза и увидел в дверях Кибе. Наконец-то пришла его очередь. Он встал с последней скамьи и спустился по ступенькам. Он практиковал дыхательное упражнение, унимая сердцебиение.

– Еще один провал, Такума! Желаю удачи. Я болею за тебя! – ехидно крикнул Хиджи со своего места на другом конце класса.

– Заткнись, Хиджи! – тут же выругался Кибе.

Такума посмотрел на №1 в списке самых нелюбимых и подумал: "Вчера был последний день в академии, сегодня - уж точно".

Он поднял руку в сторону Хиджи и показал ему средний палец.

– Высоси, псина.

Множество пар глаз, сопровождаемых несколькими ахами, обратились к Такуме, а затем к шокированному Хиджи, который открыл рот, чтобы что-то сказать, но закрыл его, ошеломленно оглядывая класс.

Такума прошел мимо Ханы, сидящей в первых рядах. – Без обид, – сказал он.

Прежде чем кто-то успел что-то сказать, Такума уже вышел из класса, а Кибе закрыл за ними дверь.

Как и в прошлые два раза, Кибе провел его через коридор в зал тестирования.

– Как с письменным? – спросил Кибе.

– Я сдам, – коротко ответил Такума. Все прошло хорошо, превзойдя его ожидания - набор вопросов на этот раз оказался в его пользу, и он был уверен, что наберет не менее 80%. А будь он оптимистом, мог бы почуять потолок во все 90 процентов.

Между учителем и учеником воцарилось молчание. И это неудивительно: они мало разговаривали. Учись они в большом классе колледжа, Такума был бы студентом, имени которого Кибе не знал.

Кибе нарушил молчание и начал: – Если твой письменный будет достойным…

– Даже если я плохо справлюсь со всем остальным, есть реальный шанс, что я смогу пройти.

Мне просто нужно успешно показать тройку Академию. Я знаю, вы мне уже не раз говорили, – сказал Такума, не глядя на Кибе.

– ... Понятно, – сказал Кибе. Возникла еще одна пауза. – Ты можешь... провести все три?

Они дошли до входа в зал. Такума взялся за ручку и открыл дверь. Он заглянул внутрь, но не сразу вошел. Вместо этого он сказал: – Вы узнаете, когда получите мой результат, – и, не глядя на Кибе, Такума проскользнул внутрь.

С первой попытки внутренняя часть аудитории никак не изменилась. По всей длине зала располагались различные части тестирования. Его взгляд автоматически устремился в коридор второго этажа, откуда несколько шиноби разглядывали пол для тестирования. Он внимательно осмотрел каждого из них, запоминая как можно больше деталей. Их насчитывалось десять.

Он подождал, пока его вызовут к проверяющему по Букидзюцу. Несмотря на то, что экзамен проводился дважды, наблюдатель заставил его снова выслушать инструктаж, подробно разбирая все вопросы.

– Всё понятно?

Такума кивнул и направился к столу с оружием. Он взял в руки три единственных оружия, которыми умел владеть - кунай, сюрикен и сенбон. Оружие все еще было вне баланса, а мишени для упражнений были прежними. Разница была в исполнении Такумы: он по-прежнему бросал оружие по очереди, но заминка стала меньше, а последовательность и точность не могли сравниться с его первой попыткой. Почти все его броски попали в красные точки.

Инструктор кивнул, блокируя сенбоны. Такума усвоил урок и целился в жизненно важные точки.

Этот наблюдатель отличался от предыдущих двух: он не давал никаких советов.

Такума перешел к следующей части тестирования, возможно, самой важной - как минимум, для него.

– Ух, – непроизвольно вырвалось у Такумы.

Наблюдательница ниндзюцу подняла голову. У женщины средних лет с седыми прядями в волосах были те же серьги в виде взрывных меток с красной окантовкой, что и раньше, которые болтались, когда она двинула головой. Её глаза вспыхнули, и Такума понял, что она узнала его. Прежде чем заговорить, она опустила взгляд на свой планшет.

– Такума?

Такума кивнул, и женщина повторила инструкции для теста на ниндзюцу. Она не проявила никаких признаков узнавания, что заставило его задуматься, не притворяется ли она.

– Начнем с техники Клонирования, – сказала она. Такума сплел ручные печати, и шесть клонов встали вокруг него настоящего. Они двигались, меняли выражения лиц и делали разные вещи. Глаза контролера заблестели, затем она записала что-то в своем планшете и попросила его перейти к дзюцу Превращения.

Она не дала никакой имитации цели, поэтому Такума трансформировался в одного из шиноби в коридоре второго этажа. Его облик был свеж в памяти, и он знал, что превращение в проверяющую по ниндзюцу неправильный выбор - даже если она должна была быть объективной в своих оценках, существовала вероятность, что она обидится на что-то в его имитации. А этого он не хотел.

Наконец, пришло время для дзюцу Замещения Тела. Его он практиковал меньше всего, так как изучил его позже остальных. С самого начала Такума узнал, что Марубоши не любит это дзюцу, так как в его глазах оно было совершенно бесполезным. Оно требовало от пользователя подставить вместо себя какой-нибудь предмет, чтобы принять атаку, а затем уйти из поля зрения противника. По сути, это щит, который нужно поднять для блока, а затем бросить щит и убежать. Именно с бегом у Марубоши были проблемы, хотя ручные печати для дзюцу использовались исключительно во время бега. По мнению Марубоши, бег и прятки были неэффективны, так как срабатывали только при определенной окружающей обстановке. В лесу дзюцу сработает великолепно, но на лугу потерпит фиаско. Кроме того, для безотказной работы дзюцу нужно быстро сплетать ручные печати. Оно также не помогало, если атака быстрее, чем способность пользователя поставить замену.

Его преподавали в академии только потому, что движение чакры, вызываемое ручными печатями, давало пользователю короткий всплеск линейной скорости, что позволяло ему быстро скрыться (это бесполезно, если враг может уловить быстрое движение). И само движение чакры было похоже на дзюцу Телесного Мерцания - технику высокоскоростного перемещения, которая позволяет пользователю перемещаться по прямой со скоростью, не уловимой нетренированным глазом. Шуншин является необходимым дзюцу, которое должен знать каждый шиноби, и поэтому академия использовала технику Замещения ради заложения основы.

Дзюцу Замещения не предназначено для использования в полевых условиях, так как это лишь учебный инструмент, но по какой-то причине никто не говорил об этом студентам. Что ж, его это не касается, поскольку Марубоши как-то упоминал об этом.

Такума был благодарен за это, так как не хотел использовать один из своих драгоценных и очень ограниченных свитков запечатывания, которые можно использовать в качестве замены. Наблюдательница бросила затупившийся кунай в Такуму, стоявшего в нескольких метрах от неё. Раздался дымок, и кунай вонзился в мешок с песком, а Такума встал в нескольких метрах от женщины.

– Супер! – с улыбкой хлопнула в ладоши проверяющая. – Ты великолепно выполнил все три приема. Ты так сильно улучшился!

"Как знал", – подумал Такума - она и правда узнала его. Но он ничего не сказал по этому поводу и просто перешел к следующей части тестирования - тайдзюцу.

Инспектор по тайдзюцу не вызвал его сразу, и Такума был рад этому. Если бы его вызвали, Такума не знал, выдержали бы его ноги, так как они неконтролируемо дрожали.

Он сдал. Третий раз - это очарование. После двух неудач он сдал самый трудный предмет в своей жизни. Такума почувствовал, как с его плеч скатился валун. Он пытался сохранить напряжение в теле, ведь экзамен ещё не закончился, но когда он знал, что сдал экзамен, трудно было почувствовать что-то, кроме полного облегчения.

Он хотел покинуть территорию академии и побежать к Марубоши, чтобы сказать своему учителю, своему единственному помощнику, своей опоре, что он смог. Год борьбы, десять месяцев тренировок, бесчисленные бессонные ночи - его время не пропало даром. Он справился. Он не мог описать это чувство, ведь никогда не испытывал его. Что-то вроде чувства выполненного долга - но ничего подобного он раньше не испытывал. Все его предыдущие достижения казались бессмысленными на фоне нынешних ощущений.

У Такумы не осталось времени на размышления, когда его вызвал проверяющий по тайдзюцу. Ничего особенного не произошло. Когда сталкиваешься с кем-то, намного превосходящим тебя в мастерстве, показатели меньшего не отражали никакой разницы, даже если они становились лучше. Такума, что только вчера выиграл свой первый спарринг, ничем не отличался от себя предыдущего. Что касается оценки, Такума узнает только при получении результата.

– Можешь выйти через эту дверь для следующей части, – сказал после этого наблюдатель тайдзюцу, указывая на наружный выход из аудитории.

Такума кивнул и пошел к выходу, но прежде, чем выйти, он оглянулся на аудиторию и сделал паузу, чтобы окинуть взглядом весь зал. Он хотел запомнить его на сейчас и на будущее.

Когда он вышел, его глаза расширились, увидев лысого, одетого в кимоно, старика, который сидел под большим зонтом, пока возле его ног горел угольный мангал. Весь двор был покрыт снегом, но на круглой площадке вокруг старика не было ни снега, ни даже влаги на земле.

– Присаживайся, – сказал старик.

Такума сел напротив старика. Вся сцена вызвала у него сильное чувство дежавю. Те же события, что и в первой попытке, повторялись снова. Он сидел перед тем же лысым стариком, который снова молча смотрел на него, но на этот раз с небольшой улыбкой.

Такума обнаружил, что напряжение, которое он потерял после ниндзюцу, вернулось - что-то в этом старике его нервировало.

– У меня к тебе только один вопрос, Такума, – сказал старик, все еще улыбаясь.

Такума слегка наклонился вперед в своем кресле. Он был готов; что бы старик ни бросил ему за вопрос, он ответит. В этот раз он готов.

– Сколько человек стояло в коридоре второго этажа аудитории?

Такума был ошеломлен. Тот же вопрос? Он был уверен услышать абсолютно другой. Он откинулся на спинку стула и задумался на мгновение.

– ... Девять из них, – сказал он - один человек сидел.

Маленькая улыбка старика расцвела и превратилась в полноценную. – Умный ребенок, – сказал он и встал со своего места.

Такума почувствовал, как горячий ветерок щекочет его под ухом. Он нахмурился, но не поднял руку, чтобы почесать зуд, так как находился перед проверяющим. Зуд прошел сам собой.

Вставший старик нахмурился, глядя на него. Такума был озадачен внезапным изменением выражения лица, но ничего не сказал. Возможно, старик испытывал боли, которые приходят с возрастом.

Выражение лица старика ослабло, и он отошел от кресла, а глаза Такумы расширились, когда он увидел, что в кресле сидит точно такой же старик - как будто старик оставил после себя образ.

Как? Такума посмотрел между одинаковыми стариками - один сидел, другой стоял. Он взглянул на ноги обоих и увидел, что у обоих были тени. "Не обычное Клонирование... значит Теневое?" – подумал он. Но не было ни ручных печатей, ни клубов дыма. Дымовую завесу можно устранить, но ручные печати? Как старик смог заставить клона появиться в его кресле так незаметно?

Пока Такума пытался найти ответ, стоящий старик увидел, что Такума переводит взгляд с него на кресло. Выражение его лица снова дрогнуло.

– ... Ты уже видишь сквозь него...? – удивленно сказал стоящий старик.

– А? В смысле? Ну да. Я вижу клона, – сказал Такума, смутившись. Как он мог не видеть его?

– ... Это не клон, – старик указал на свой стул.

Замешательство Такумы усилилось. Его брови изогнулись дугой, когда он взглянул на старика в кресле. Если не клон, тогда кто же... Ответ щелкнул, как последний кусочек головоломки.

– Гендзюцу, – прошептал он. Рука Такумы сложила печать Тигра и тут же развеяла наложенное на него гендзюцу. Марубоши не учил его применять гендзюцу (об этом даже не было речи), но он научил его развеивать - это проще простого.

Старик в кресле исчез, как мираж, оставив после себя только стоящего старца.

Такума вздохнул с облегчением, но его все еще терзало смятение. Немного подумав, он понял, что старик хотел одурачить его с помощью гендзюцу. Под прикрытием иллюзии он встал, оставляя за собой иллюзию всё еще сидячего положения, чтобы Такума не увидел изменений. Но тогда почему он смог увидеть стоящего старика, которого не должен видеть, ведь гендзюцу было успешно применено.

Неужели старик где-то ошибся?

В тот день Такума не получил ответа на свой вопрос. Последний проверяющий больше ничего не сказал, отправив его прочь.

http://tl.rulate.ru/book/79727/2547727